

Цзи Шу опустил на землю мешок с рисом, который нёс на плече, и бросил:

— Давай сварим рис.

— А-ге! На этот раз тебе не отвертеться! Посмотри-ка, ты и правда притащил дикого мужчину, да ещё и ужинаете вместе! — раздался звонкий голос ещё до того, как Чжао Хэн успел ответить. Тут же появился Цзи Жун. Одна половина его лица распухла и покраснела, но на губах играла злорадная ухмылка.

Он пробрался внутрь не через парадную дверь, а пролез через собачий лаз сзади — и всё ради того, чтобы их не заметили.

— Ну и что с того, что притащил? Цзи Жун, неужели ты думаешь, что сможешь кому-то рассказать? — на лице Цзи Шу не было ни малейшего следа паники из-за того, что его застали врасплох. Воспоминаний прежнего владельца тела осталось слишком мало, и ему как раз нужен был кто-то, кто станет носителем новостей. Иначе разве мог он, обладая такой мощной психической энергией, не заметить чужака? Он ждал именно этой возможности.

Запугивание — дело бесплатное.

Увидев выражение лица старшего брата, а заодно вспомнив, как тот расправился с а-ма, Цзи Жун вмиг побледнел, а его ноги невольно сделали несколько шагов назад:

— Ст... старший брат, ты... ты хочешь меня убить?

Его тело затряслось в мелкой дрожи, ведь он заметил в руках старшего брата кинжал. Острый блеск отражался на лице Цзи Шу, грозя в любую секунду оставить кровавую полосу. Тогда он будет обезображен: о том, чтобы удачно выйти замуж, нечего и мечтать, да и любой мужчина в деревне побрезгует взять его в жёны.

— А ты как думаешь? — на губах Цзи Шу заиграла улыбка, уголки рта чуть приподнялись, но из-за безобразного шрама на щеке это выглядело так, будто перед ним стоял посланник из самого ада.

— Нет... погоди... братец, старший брат, я виноват, правда виноват, я знаю, что был неправ... — Цзи Жун наконец сломался под натиском психологического давления, слёзы ручьями потекли по щекам, а голос стал совсем хриплым. Он ведь просто не хотел готовить и надеялся, что все домашние хлопоты по-прежнему будут лежать на плечах старшего брата, он вовсе не собирался умирать!

— Виноват? И в чём же именно, по-твоему, ты провинился? — приподняв бровь, с вызовом спросил Цзи Шу. Чтобы спокойно жить в деревне Цзи, ему было необходимо собственное личное пространство. А домашняя работа — он и палец о палец не собирался ударять ради неё!

К тому же его нынешнее тело было донельзя слабым, его просто необходимо как следует подлечить, иначе в старости придётся горько пожалеть.

Прежде Цзи Жун и представить себе не мог, что его молчаливый старший брат, который даже сдачи не давал, когда его били, в гневе окажется настолько страшным. Казалось, он и впрямь готов изрубить его на тысячу кусков. Но в глубине души Цзи Жун понимал: даже обезумевшему от гнева гэру нельзя доверять слепо — в конце концов, то, как с ним обошлась Семья Линь, давно загнала старшего брата в угол.

— Убивают... — потеряв бдительность на секунду, Цзи Жун почувствовал резкую боль в щеке. Проведя рукой, он ожидаемо нащупал ярко-алую кровь и мгновенно побелел. — Т-ты... что ты со мной сделал? Моё лицо... моё лицо...

С самого детства этот гэр дорожил своей внешностью больше всего на свете. Сначала ему перепала пощёчина от а-ма, а теперь ещё и этот порез — его лицо наверняка испорчено, полностью и безвозвратно.

Лицо Цзи Шу источало ледяной холод:

— Не кажется ли тебе, что ты говоришь глупости? Спешу тебя уверить: я прекрасно помню всё, как ты издевался надо мной в прошлом, память меня не подводит. С сегодняшнего дня я буду понемногу возвращать долги, а сейчас — всего лишь скромные проценты!

Хотя в доме творился такой шум, в переднем дворе царил абсолютная тишина. Всё потому, что его так называемая родня ни капли о нём не беспокоилась: даже если бы он умер прямо здесь, на него вряд ли бросили бы лишний взгляд.

Деревенские жители в древности обычно ложились спать рано, а их а-ма наверняка уже давно забился под тёплое одеяло и носу не высунет наружу, чтобы разобраться в происходящем.

— Если у тебя хватит смелости, ори дальше. Спорим, даже если ты горло сорвёшь, к тебе никто не придёт на помощь? К тому же, если ты продолжишь шуметь, я тебя просто прикончу и спокойно сбегу.

По мнению Цзи Шу, в любой ситуации нужно первым делом полностью подавить противника, иначе, когда тот опомнится, проблем станет только больше.

Услышав такие слова, Цзи Жун застыл с лицом, искажённым от ужаса:

— Т-ты не мой старший брат! Мой старший брат никогда бы со мной так не поступил!

Пусть у его старшего брата была огромная физическая сила, а характер — не сказать чтобы приятный, скорее даже угрюмый, тот во веки веков не осмелился бы никого убить. Хотя...

старший брат работал мясником. В праздники, когда кому-то требовалось зарезать свинью, всегда звали его... И в этот момент у Цзи Жуна пропали все слова.

Много лет назад, желая сэкономить серебро, их а-ма отправил старшего брата учиться ремеслу мясника, чтобы тот мог и по хозяйству помогать, и деньги зарабатывать — одним выстрелом двух зайцев. Их а-ма прекрасно умел вести расчеты. Ну а орудия вроде ножей для разделки свиней обычно хранил сам а-ма, выдавая их лишь по мере необходимости.

Как можно с тобой так не поступать? Ты ведь языком немало гадостей обо мне наговорил а-ма. Скажи, что, если я убью тебя, приготовлю из твоего тела мясо и угощу им а-ма и остальных? Как по твоему... — Цзи Шу не успел договорить, как его прервали.

Стоило Цзи Жуну услышать начало фразы, как его тут же затошнило, а волна первобытного ужаса пронеслась по всему телу, заставив задрожать в лихорадке:

— А-ге, а-ге, я виноват, я правда во всём виноват! Я больше никогда, ни за что не сунусь в этот двор, прости меня на этот раз!

— У меня что-то со зрением, я ничегошеньки не видел, и уж тем более ничего не слышал! А-ге, пощади меня хоть раз! Мы ведь в конце концов родные братья, разве нет? — его голос дрожал от страха.

Цзи Жун смертельно боялся сгинуть без могилы и следа. Стоит ему умереть — и от него ничего не останется.

Увидев такую реакцию, Цзи Шу остался весьма доволен результатами запугивания:

— Не нужно так бояться. Если впредь будешь вести себя послушно и перестанешь докучать мне по пустякам, то проживёшь вторую половину жизни в безопасности, и никто тебя не потревожит.

С точки зрения Цзи Шу, Цзи Жун был типичным гэрмом, запертым в глубине двора, ничем не отличающимся от изнеженных юношей из богатых семей — разве что условиями сельской жизни. Но и кругозор его не шёл ни в какое сравнение с современным человеком, оттого подобные угрозы возымели столь мощный эффект. К тому же из-за былой неразговорчивости прежнего владельца тела нынешний взрыв ярости казался чудовищно пугающим, обеспечивая превосходный результат.